

О Демократии во Франции

Михаил Бакунин

Январь-февраль 1876 года

Январь-февраль 1876 года, Лугано, Швейцария.

Из Архивов Неттлау, Амстердам, Институт Социальной Истории (IISG). Оригинал на французском. Выдержки. Публикуется по копии, сделанной рукой Неттлау.

[...]

¹Однако сегодня во Франции мы видим, как эта благородная страна, которая, кажется, получила миссию проводить на благо всего мира, гораздо больше, чем на свое собственное благо, самые смелые и зачастую самые жестокие эксперименты, делает последнее усилие, чтобы превратиться, несмотря на все сковывающие ее путы, в республиканское и откровенно демократическое государство. Осторожная в результате стольких недавних катастроф, республиканская партия проявляет качества, которые до сих пор в ней не наблюдались. Она, кажется, полностью подавила, если не задушила, пыл своего героического века, ту *furia francese*, которая позволяла ей штурмовать, казалось

Михаил Бакунин
О Демократии во Франции
Январь-февраль 1876 года

IISG
Одна из последних работ Бакунина

ru.anarchistlibraries.net

бы, непобедимые позиции и совершать самые невозможные вещи в течение нескольких дней. Он заменил ее продуманными действиями, расчетливой неторопливостью, которая в то же время свидетельствует о большой твердости, настойчивости, последовательности и терпении. Он умеет ждать; научившись сдерживать себя и управлять собой, он наконец превратился в прекрасно дисциплинированную партию, возглавляемую умелыми лидерами, способными привести ее к триумфу.

Более того, казалось, что все во Франции говорилось в его пользу. В этом ужасном Версальском собрании, где собирались самые жалкие инстинкты, позорящие человеческую природу, и прежде всего неспособность, жестокость, трусость, безволие и глупость, чтобы убить Францию, все другие партии были разоблачены, все вышло завуалированным, аннулированным. Ни интриги господина [Бюффе?], проклятой души иезуитов, ни весь авторитет храброго маршала Мак-Магона, их оруженосца, не смогут сохранить им силу и жизнь. И только республиканская партия смогла сохранить, хотя бы частично, свою репутацию и честь.

Правда, он сам несет на своем лбу несмыываемое пятно. Невозможно быть участником этого собрания и не получить свою долю позора и грязи. Версальские республиканцы были если не равнодушными, то, по крайней мере, очень сдержанными и, прежде всего, очень немыми зрителями расправы над героическим народом Парижа. Да что там говорить, немыми, - они говорили, чтобы проголосовать за расправу... Очень немногие республиканские депутаты воздержались, и это были не совсем те [sic], кто из-за своей смелости сегодня называет себя непримиримыми (интрасижентами).

С тех пор республиканцы, депутаты Версальского собрания, пытались стереть следы своей измены и своего

преступления, прилагая беспрецедентные усилия для спасения Республики. Им это удалось, и теперь они стоят перед нацией, который, забывчивый и великодушный, как всегда, кажется, простил их. Более чем вероятно, что на следующих выборах республиканская партия одержит победу, тем более что все противостоящие ей партии уже не являются партиями в подлинном смысле этого слова, а грязными и жалкими интриганами, знаменем которых является глупость, а серьезной основой – иезуитско-римский клерикализм, иначе говоря, гробница Франции.

Так что, по всей вероятности, в скором времени мы станем свидетелями установления во Франции серьезной республики, сначала умеренной, а затем, без сомнения, все более радикальной [либеральной]. В конце концов, будет предпринята попытка организовать республиканское государство на очень широкой демократической основе. Но жизнеспособно ли такое государство, возможно ли оно? Вот в чем вопрос.

Это, несомненно, было бы возможно, если бы наряду с политическим вопросом, а точнее, под ним, не стоял вечный экономический вопрос,

[...]

²и хотя в наши дни много говорят о демократическом государстве, мы никогда не видели такого государства: древние демократии были основаны на рабстве, а современная демократия – лишь более изощренная, более лицемерная, более замаскированная форма эксплуатации масс в интересах классов-собственников. Демократическое государство подразумевает противоречие, поскольку там, где все управляют, господствуют и эксплуатируют, нет больше ни управления, ни господства, ни эксплуатации, нет больше и государства.

[...]

Деспотическое, военное, полицейское и парламентское государство, которое мы видим сегодня в Германии, – это идеал, к которому незаметно и неотвратимо движутся все страны Европы, даже самые откровенно конституционные и либеральные. Причина проста: социальный вопрос... положил конец междуусобной войне эксплуататорских классов.

[...]

сообщества (1) жить любой ценой. (2) жить хорошо

[...]

³Это была уже исключительно человеческая тенденция – хотя и очень бесчеловечная в своем применении и последствиях – тенденция *жить хорошо*, которая служила для использования в своих интересах естественной, животной тенденции побежденных *жить в любом случае, любым способом и в любом состоянии*. Именно так было установлено рабство.

[...]

---

³ Стр. 16